

Т. М. Трофименко

ЧЕЛОВЕК НАУКИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XIX ВЕКА

(На материале романа Вилье де Лиль-Адана «Клер Ленуар»)

Французская литература XIX века дает контрастные типы людей науки, отражающие различные точки зрения на научный прогресс. В статье рассматривается творчество французского писателя Вилье де Лиль-Адана в контексте противостояния различных эстетических и литературных направлений второй половины XIX века во Франции. Будучи убежденным противником позитивистского подхода к гуманитарным областям знания, Вилье создает сатирический образ ученого позитивиста, пытающегося заглянуть в Бесконечность «через замочную скважину».

Ключевые слова: наука, научный прогресс, ученый, позитивизм, ирония.

French literature of the XIXth century produces contrasting types of people of science, reflecting different points of view on scientific progress. The article deals with the work of the French writer Villiers de l'Isle-Adam in the context of the confrontation of various aesthetic and literary trends at the second half of the XIXth century in France. Being a strong opponent of the positivist approach to the humanitarian aspects of knowledge, Villiers creates a satirical image of a scientist-positivist who tries to look into the Infinity «through the keyhole».

Key words: science, scientific progress, a man of science, positivism, irony.

XIX стал периодом потрясений для всей Европы и в особенности для Франции. Чередование политических режимов, необычайно быстрые темпы развития науки и техники нашли свое отражение и в литературной эстетической жизни страны. Идет быстрый процесс образования новых литературных школ, представители которых отстаивают различные, порой противоречащие друг другу точки зрения. Прежде всего, это связано с публикой, на которую направлена литература, одни писатели требуют общедоступности литературного произведения для самых разных слоев населения, другие, напротив, утверждают элитарность искусства.

Подъем научной мысли, начавшийся еще в XVIII веке, и важные технические изобретения (электричество, железная дорога, телефон и др.) с одной стороны вызван быстрое развитие промышленности, с другой стороны дали человечеству веру во всемогущество научного экспериментального метода. В литературе это отражается в особом интересе к проблемам науки и роли ученого в обществе, возрождении интереса к утопии и зарождения научно-фантастической литературы в современном его звучании¹.

© Трофименко Т. М., 2019

¹ Подробнее об этом см.: Недосейкин М. Н. Научное мировоззрение в романе Г. Флобера «Бувар и Пекюше» // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2015. № 2. С. 57—60; Таганов А. Н. Формирование художественной системы М. Пруста и французская литература на рубеже XIX—XX веков / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1993. 134 с.; Трофименко Т. М. Роман О. Вилье де Лиль-Адана «Будущая Ева» и французская научная фантастика // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. № 1 (12). С. 14—21.

Успехи в естественных науках дали повод предположить о возможность применения подобных же методов и в гуманитарных областях. Так возникают новые направления — позитивизм и сциентизм — новая религия XIX века. На основе этой философии возникает новая литературная школа — натурализм, духовным лидером которой становится Э. Золя. Его теория «экспериментального романа», где писатель сравнивается с ученым-натуралистом, вдохновила многих художников этого времени.

Несмотря на всеобщую увлеченность экспериментальным методом, сразу же нашлись представители искусства, выступившие против натурализма, так как увидели в нем механизмы, убивающие душу человека.

Действительно, абсурдность прямого перенесения естественнонаучных методов на такие области как социология и психология проявилась уже в восьмидесятые годы и воплотилась в романе П. Бурже «Ученик». Герой романа, последователь О. Конта, цинично заявляет, что, если человек проводит вивисекцию животных, то почему бы не провести вивисекцию человеческой души. Результаты его эксперимента трагичны — героиня романа погибает и перед читателями возникает вопрос об ответственности ученого за свою деятельность. Как отмечает М. Н. Недосейкин «Ученый — это ребенок или дикарь, не вступивший еще в общество, не научившийся жить в этом сложном механизме; его страсть к анализу поэтому сродни разрушению <...> Именно такую позицию и занимает автор романа, показывая сложную, запутанную и явно противоречивую научную картину мира, которая никак не может включать в себя Непознаваемое как непознаваемое» [2, с. 119].

Неоднозначное восприятие научного прогресса в обществе повлекло за собой различное отношение к фигуре самого ученого. Ж. Нуаре, иллюстрируя примерами из произведений О. Бальзака, Э. Золя, Г. Флобера, О. Вилье де Лиль-Адана, Ж. Верна, пишет о двух основных типах ученого, воплощенных во французском искусстве XIX века: «Curieuse figure, en somme, que celle du savant dans la littérature du XIXe siècle! <...> D'une part, au plein soleil de l'idéologie positiviste, se dresse le savant officiel, idole rassurante et fêtée de la société bourgeoise <...>. De l'autre, dans l'ombre de son pandémonium archaïque, parmi les cornues et les tubulures, ses fantômes et ses crises, inquiétante résurgence du passé profond au coeur du monde moderne. Mais ces deux figures, plutôt qu'antithétiques, pourraient bien être complémentaires, tant elles sont liées et nécessaires l'une à l'autre. <...> En même temps qu'elle les encense, la France du XIXe siècle manifeste les craintes que lui inspirent les savants tout-puissants de son temps en les incarnant, sous forme symbolique, dans des figures grotesques ou redoutables» [3, p. 157—158].

Но в 60-е годы XIX века еще не идет речи о «смерти богов», а, напротив, все охвачены эйфорией всемогущества Науки и научного прогресса. На фоне этого возникает новая литературная школа «Современный Парнас», образованная группой поэтов во главе с Леконтом де Лилем. Парнасцы обвиняют натурализм в снижении литературного искусства, в предпочтении грубых инстинктов, в пренебрежении духовной стороной жизни человека. В свою очередь члены группы пропагандируют абстрактную, элитарную поэзию. В числе участников этого движения молодой талантливый поэт Вилье де Лиль-Адан.

Отношение Вилье к позитивизму остается неизменным на протяжении всей его жизни. Уже в своих первых произведениях (сборник Первые стихи, роман Исида) он указывает на слабые стороны веры в науку, которая надеется,

что материальный прогресс решит все метафизические и духовные проблемы общества².

Постепенно у Вилье созревает замысел вывести на сцену ученого-позитивиста. Перед читателем предстает не гениальный ученый, способный изменить мир, а поверхностный позитивист охваченный духом экспериментаторства. Почитая себя за великого ученого, он пытается заглянуть в тайну Вселенной «через замочную скважину»: «La réalité devient alors visionnaire — et je sens que, le microscope à la main, j'entre des plain-pied dans le domaine des Rêves !...» [5, p. 149].

Надо отметить, что Вилье протестует не против науки как таковой, а против веры в ее всемогущество. К тому же Вилье претит и то, чем становится позитивизм в сознании обывателя. Само слово «позитивный» (positif) становится синонимом слов «выгодный», «полезный».

Так у Вилье возникает замысел нового романа «Клер Ленуар», главным героем которого становится обыватель, возомнивший себя великим ученым-позитивистом. Рассказывая С. Малларме о своем намерении, Вилье говорит: «Le fait est que je ferai du bourgeois, si Dieu me prête vie, ce que Voltaire a fait des “cléricaux”, Rousseau des gentilshommes et Molière des médecins. <...> j'ai l'air de les aimer et de les porter aux nues, en les tuant comme des coqs» [4, p. 99].

Так в романе «Клер Ленуар», опубликованном в 1867 г. читатель впервые знакомится с Трибюла Бономе. Задача, которую ставит перед собой Вилье, заключается в том, чтобы привести читателя к убеждению, что идеализм предпочтительней позитивизма. Для этого, по замыслу писателя, позитивизм должен сам разрушить себя. В следствие этого весь роман полон парадоксов и противоречий.

Это проявляется с первых страниц, так как в первой главе приводится автопортрет Трибюла Бономе. Противоречиво уже описан характер героя: значительное место занимает описание ладони, так как характеристику он дает себе исходя из данных хиромантии, физиогномики и других псевдонаучных доктрин. К тому же, по словам самого Трибюла Бономе он подвержен наследственной болезни: иногда, особенно по ночам его вдруг охватывает некое чувство тревоги, что он слышит дуновение ветра и полет ночной птицы. В эти минуты он обращается к Вселенной с вопросом : какую тайну она скрывает от него.

В романе Вилье приводит слова главного героя Трибюла Бономе, повествующего о том, как надо вести спор, чтобы выиграть его. Главное здесь поменяться ролями со своим собеседником и незаметно для последнего начать противоречить своим же собственным идеям, высказанным ранее, и уже через некоторое время собеседник будет опровергать свое же собственное мнение и отстаивать мнение своего собеседника.

Задумывая роман Вилье сам, кажется, следует этому правилу. Основной задачей писатель видел в том, чтобы этим произведением подорвать базу научного и позитивистского материализма своего времени и одновременно, как он думает, установить первенство духа во вселенной.

Вилье строит характер Бономе таким образом, что он несет в самом себе свое собственное отрицание, ощущает присутствие сверхъестественного, отрицаемого им.

² См.: *Raitt A. Villiers de L'Isle-Adam et le mouvement symboliste*. Paris : José Corti, 1965.

Придавая своему рассказу вид научных записок, автор старается повернуть против своих противников, увлеченных конкретной очевидностью, их же оружие. Осуждение позитивистской идеологии, тем более впечатляющее, что оно провозглашено — против своей воли — представителем современного сциентизма.

Враждебный всему, что не подтверждает его ограниченный взгляд на мир, Бономе вынужден одним из инструментов позитивной науки допустить, что чистая идея такая же реальная, как и материальный объект.

Вилье предоставляет слово Бономе, он будет осужден своим же собственным свидетельством и вынужден предоставить доказательства своего собственного ничтожества.

Несмотря на то, что Вилье использует в романе данные экспериментов, которые в то время вызвали большой научный интерес, события, которые излагает герой, далеки от реальности, их скорее можно отнести к фантастике. Речь идет о том, что, по выдвинутой гипотезе, на сетчатке умершего некоторое время сохраняется изображение того, что человек видел в последние мгновения. Именно этот опыт и проводит Бономе, исследуя сетчатку Клер Ленуар. Однако он обнаруживает не нечто реальное, а последнее видение Клер: убийство ее любовника Генри Клифтона разбойником Оттизором, в которого перевоплотился после своей смерти Сезер Ленуар, муж Клер.

Таким образом, рассказывая фантастическую историю о привидениях, более или менее правдоподобную, Вилье подтверждает ее правдивость тем, что она и признана и удостоверена с помощью самого точного эксперимента. Бономе попадает в свои собственные сети и приходит в конечном итоге к собственному отрицанию, а следовательно, и отрицанию идей позитивизма, сторонником которого он является.

Через двадцать лет после публикации романа Вилье вновь обращается к образу Бономе: добавив к роману еще несколько новелл, он выпускает сборник под общим названием «Трибула Бономе». Однако роман сохраняет свою первостепенную роль, остальные новеллы, за исключением «Убийцы лебедей» менее яркие и повторяют намеченные в романе черты характера Трибула Бономе

«Клер Ленуар» сбивает с толку, также как и развлекает или пугает. Его можно называть уникальным романом этого века: гениальная смесь иронии, метафизики и ужаса. Вот что писал Реми де Гурмон в «Книге масок»: «эта огромная, удивительная и трагическая буффонада, в которой, быть может, для того, чтобы создать наиболее оригинальное произведение века, вместе соединились дарования мечтателя, ирониста и философа» [1, с. 9].

Библиографический список

1. Гурмон Р. де. Книга масок. Томск. : Водолей, 1996. 53 с.
2. Недосейкин М. Н. Наука, ошибка и игра в романе П. Бурже «Ученик» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 3. С. 115—120.
3. Noiray J. Figures du savant // Romantisme. 1998. № 100. P. 143—158. URL: http://www.persee.fr/doc/roman_0048_8593_1998_num28_100_3296 (дата обращения: 19.12.2018).
4. Villiers de L'Isle-Adam Au. Correspondance générale. Paris : Mercure de France, 1967. Т. 1. 245 p.
5. Villiers de L'Isle-Adam Au. Oeuvres complètes. Paris : Gallimard, 1989. Т. 2. 1750 p. (Bibliothèque de la Pléiade).